

В Израиле вышла новая книга Лидии Яновской, исследователя жизни и творчества Михаила Булгакова, составителя и текстолога лучших (до настоящего времени) собранных сочинений писателя.

“Записки о Михаиле Булгакове” - не литературоведческое исследование, как можно было подумать, глядя на заглавие. Недавно в опубликованных дневниках известного диссидента и талантливого литератора Анатолия Яковсона я прочитал: “Они (его коллеги. - М. Х.) - литературоведы-лингвисты, а я - литературовед-литератор. Они будут говорить и писать на своем профессиональном жаргоне, я буду говорить и писать на русском языке... Литературоведение претендует на констатацию неких объективных элементов произведения... Критика же дает эстетическую, то есть преимущественно субъективную оценку. У литературоведов-лингвистов мне нужно учиться точности, строгости в обращении с текстом. А синтезировать они не умеют...”

Так вот, Яновская умеет “синтезировать”! Более того: ее книга - да-

же и не критика! А проза. Причем проза отличная. Правда, герои не выдуманы, это реально существовавшие (а некоторые живы и поныне) люди - объекты “булгаковедения”. И это, поверьте, полноценные “персонажи”, более того, “типические образы” - характеризующие эпоху и обладающие некими вечными чертами, присущими “образованным людям”...

Из бесчисленного числа затронутых в книге тем я выберу (в силу ограниченности газетной площади) только одну: как русская культура преобразовалась в советскую. Граница между первой и второй, согласно Яновской, пролегла не в соответствии с политическими предпочтениями. Советская культура вызревала в лоне русской многие десятилетия, и формировала ее, как ни странно, не столько сознательная воля партии, сколько стихийное разращение общества, разращение временем. Важные черты эволюции четко схвачены Яновской...

Русскую культуру творили не подвижники добра и красоты, а грешники, обычные работники - как

Михаил Булгаков, Елена Булгакова. Апрель 1935 года

“Записки о Михаиле Булгакове”

Михаил Хейфец

и все, они любили успех, славу, деньги, красивых женщин... Но у них была своя особенность - служители ТОЙ культуры стремились достичь идеала, то есть добра и красоты. Вот почему в изображении Яновской убежденный коммунист Александр Фадеев принадлежит все же к культуре русской - при сложностях его натуры и заблуждениях. Покоренный личностью и сочинениями умирающего Булгакова, Фадеев сделал все от него, любимца Сталина, зависящее, чтобы спасти, сохранить, уберечь наследие писателя. Последние слова Булгакова были такие: “Он меня не предал...”

Для Лидии Яновской Константин Симонов - тоже человек русской культуры, хотя вот уж он-то умел предавать, как никто другой... А все-таки, когда он умер, возникло ощущение, что ушел “наш человек”, ибо на свой, конечно, лад, но он тоже мечтал послужить Идеалу.

Булгаков, Маяковский и Мейерхольд принадлежали к противоположным политическим лагерям, но к одной великой культуре - и их полемика, да и пикировка, была полемикой великих соучастников. И даже Сталин... Этот “бич Воланда и Абадонны” тоже был пронизан токами той культуры (потому так и интересовал великого писателя). Он сознавал пустоту людских (самых искренних) славословий, мечтал внести свое имя на бессмертные скрижали духа (вспомните притязания в лингвистике, вмешательство в творческий процесс писателей...). Как Николай I не хотел смерти Пушкина, а мечтал украсить его дарованием свой двор, так и Сталин пытался сделать Булгакова - своим! Яновская

художественно воссоздает этот сюжет и великолепную режиссуру спектакля, который в жизни выстраивал прототип Воланда и в котором участвовал прототип Мастера! Но в Сталине, с его стремлением быть воспетым гением, все-таки проглядывает человек иной, мало знакомой нам культуры.

...Со временем в идеологизированном обществе пробудились нормальные человеческие реакции. Но поскольку нормальные точки приложения рыночных интересов законодательно блокировались, то “рыночники по натуре” сменили направление и заинтересовались открывшимися возможностями в дозволенной структуре - то есть пошли в культуру. Архивы, музеи, салоны, лаборатории стали местом соревнования предприимчивых людей: кто первым ухватит кусок!

“Передо мной был один из “железных мальчиков” 80-х. Я встречала их в московских редакциях и всегда терялась, когда приходилось разговаривать с ними. Красивые и образованные, они сначала умело устраивались на должности в престижных издательствах и журналах, а уж потом, заручившись связями и укрепившись, становились журналистами, литературными критиками, даже писателями. Они говорили по-английски, были жестки, беспринципны и совершенно уверены, что они - новые. А мне казалось, что я их уже видела - в трагическом 1949 году моей юности. Правда, те, тоже холодные и беспощадные, не были так красивы и не умели по-английски”.

Яновская фиксирует этапы соревнования новой - советской - куль-

туры. Вот первый: “Мораль, пышно расцветшая в России в брежневские 60-е и 70-е годы и в конце концов разложившая, растлившая русскую интеллигенцию. Одной из заповедей этой морали стало высокомерное разрешение самому себе жертвовать частью истины, добра или таланта (чужого преимущественно таланта...) для воображаемого спасения чего-то более важного. Стало считаться нравственным - предать немножко, солгать не в самом главном, использовать чужую рукопись - если с высокой целью... Так, к 70-м и 80-м сложилась целая популяция “порядочных” редакторов, критиков etc., считавших себя мыслящими и декларировавшими смелые мысли на кухне по вечерам, в кругу друзей, а поутру самонадеянно решавших, что в искусстве спасать, чему жить, чему жить не стоит, - добровольные душители, с высокими словами и не без выгоды себя распродававшие”.

Следующий этап отмечен автором портретом литературного критика Золотоносова: “Он был современным литературоведом, уверенным, что искусство не имеет никакого отношения к нравственности... Критик считал себя вправе влить любое оскорбление в лицо Булгакову...”

И наконец, этап последний, современный: “Сотрудники отдела рукописей стали догадываться, что архив Булгакова “дело хлебное”, и хотя еще не знали, как это можно будет употребить, между мной и рукописями постепенно, снова и все упорней вставали препоны”. Ничего, скоро сообразили. Из государственного архива стали тайно пропадать

Михаил Булгаков на генеральной репетиции "Мольера", 5 февраля 1936 года

книги с рабочими пометами Булгакова, варианты рукописей, дневники его жены... "Я привыкла, что в советском государственном архиве могут отнять у исследователя сделанную работу, использовать сделанное исследователем открытие и т. п.". Но булгаковский архив заинтересовал все же не одних архивистов, появились "бодрые молодые люди" из некоего ведомства, имевшие любые виды допусков и разрешений и пользовавшиеся негласным покровительством хранителей культурных ценностей. Им так нужны были первоначальные капиталы для замышлявшихся деловых начинаний - и не только в России. А за рукописи из

булгаковского архива у богатых людей можно было получить немалые "инвестиции". Во всяком случае, им так казалось...

★ ★ ★

Я затронул лишь один сюжет из многих. Существует сюжет "известного доносчика", сюжет с подследственным, ставшим нечаянным информатором и этим спасшим себе жизнь, сюжет с предками Елены Сергеевны Булгаковой, урожденной Ниренберг (это, однако, не сплетни, а прояснение загадочной фразы Коровьева о вопросах крови - самых сложных вопросах в мире, о причудливо тасуемой колоде карт). И еще много, много сюжетов...